

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ УЧАСТНИКОВ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ ИЮНЯ 1547 Г. (ПО ЛЕТОПИСНЫМ ПАМЯТНИКАМ МОСКВЫ И НОВГОРОДА)

А.Е.Жуков

ON THE SOCIAL COMPOSITION OF PARTICIPANTS OF THE MOSCOW REBELLION OF JUNE 1547 (ACCORDING TO THE CHRONICLES OF MOSCOW AND NOVGOROD)

A.E.Zhukov

Санкт-Петербургский государственный университет, artemnovgor@inbox.ru

В статье рассматривается вопрос о социальной природе восстания 1547 г., которое привело к падению рода Глинских, а также, по мнению ряда исследователей, — к завершению боярского правления. Считается, что движущей силой восстания были «черные люди», высшие же сословия (князья и бояре) участия в нем не принимали. При этом свидетельства поздних памятников, где говорится о том, что бояре способствовали восстанию («Царственная книга»), признаются тенденциозными и недостоверными. Статья является лишь первым приближением к социальной характеристике восстания июня 1547 г. Автор сопоставляет свидетельства «Царственной книги» и Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского и приходит к выводу о сходстве сведений этих двух памятников. Анализ содержания приписок последней позволяет предположить, что участие высшей знати в восстании было вполне вероятным. Свидетельства других летописей, текст которых появился сразу после восстания, признаются неполными.

Ключевые слова: московское восстание, Москва, Новгород, летописи

This paper considers the social nature of the rebellion of June 1547 which led to the fall of the Glinsky and, to the mind of some researchers, to the end of aristocratic rule. The researchers believe that the driving force of the uprising was so-called "black people" (lower orders) and that the aristocrats didn't participate in it. The later records ("The Regal Book"), telling about the aristocracy contribution, are considered to be tendentious and unreliable. This article is the first experience of the analysis of the rebellion's social nature. The author compares evidences of the Novgorod Nikol'skiy's chronicle and "The Regal Book" and comes to conclusion about the similarity of information from these monuments. The analysis of adscripts in the Novgorod chronicle allows assuming the possible role of aristocrats. The evidences of another post-rebellion chronicles is recognized incomplete..

Keywords: Moscow rebellion, Moscow, Novgorod, chronicles

В апреле-июне 1547 г. в Москве произошла серия пожаров, в которых погибла значительная часть города. Самый разрушительный из них пришелся на 21 июня 1547 г. Стихийные бедствия послужили причиной роста общественного недовольства. Через пять дней вспыхнуло восстание. Сначала москвичи убили боярина Юрия Глинского, перебили его слуг, а затем двинулись в село Воробьево, где находился великий князь Иван Васильевич. Восставшие требовали выдачи Михаила и Анны Глинских.

Исследователи неоднократно обращались к изучению московских волнений 1547 г., считая их окончанием эпохи боярского правления [1, с. 268; 2, с. 135-136; 3, с. 29-30; 4, с. 34; 5, с. 51]. Другое мнение высказал М.М.Кром. Исследователь пишет: «Если исходить из сущностных черт «боярского правления» — фактического неучастия Ивана IV в государственных делах и длительной политической нестабильности, проявлявшейся в череде «дворцовых бурь», — то в этом отношении никаких принципиальных изменений до конца 1547 г. обнаружить не удастся» [6, с. 326]. В советской историографии отмечали классовый характер восстания, а также его стихийную сущность. По мнению большинства исследователей, оно носило выраженный антибоярский

характер. Так, И.И.Смирнов пишет: «Будучи стихийным взрывом борьбы социальных низов Русского государства против феодального произвола бояр-правителей, Московское восстание 1547 г. не имело, по-видимому, никакой сколь-нибудь выраженной политической программы. Единственное требование восставших москвичей, о котором упоминают источники — это требование расправы с Глинскими, олицетворявшими в глазах народных масс все отрицательные стороны боярского правления» [2, с. 135-136]. По мнению А.А.Зимина, восстание демонстрировало, до какой степени обострились социальные противоречия в средневековой Москве. Исследователь отмечает, что восстание не было организовано, а также носило царистский характер. Оно было направлено не против самой царской власти, а против Глинских [7, с. 308]. По мнению С.О.Шмидта, восстание представляло собой примитивный бунт. Он пишет: «Черные люди боролись не столько "за", сколько "против"» [8, с. 114]. В современной историографии вопрос о социальной природе восстания 1547 г. отошел на второй план, однако, на наш взгляд, нуждается в уточнении.

Еще раз обратиться к этой проблеме нас заставило изучение летописных памятников середины —

второй половины XVI в. Большинство летописей эпохи Ивана Грозного не обошли стороной описание московского восстания 1547 г. Выделяется две традиции повествования о данном событии: ранняя и поздняя. Первая представлена памятниками русского летописания, по времени создания наиболее близкими к самому событию («Летописец начала царства», Хронографическая летопись (Продолжение Хронографа 1512 г.), Новгородская летопись по списку Н.К.Никольского). Вторая отразилась в памятниках более позднего периода (в Первом послании Ивана Грозного А.М.Курбскому и в «Царственной книге») [8, с. 14-68]. Основное отличие двух этих традиций состоит в том, что в ранних памятниках восставшие изображены действующими по собственной инициативе, а в поздних — по научению бояр, что вполне соответствовало политической концепции времен Опричины. Исследователи отдают предпочтение версии ранних памятников, подчеркивая тенденциозность «Царственной книги» [9, с. 271-272; 2, с. 130-134; 7, с. 305; 10, с. 94, 97, 104; 6, с. 337-338]. Следовательно, в восстании не принимали участие представители социальной верхушки московского общества — бояре. Так, И.И.Смирнов пишет, что бояре не могли собрать «чернь» на церковной площади, а именно в Успенском соборе был убит Юрий Глинский [2, с. 129]. Кроме того, участие бояр в волнениях 1547 г. противоречит признакам самоорганизации восставших (так, в Хронографической летописи сказано, что восставшие собрались вече) [7, с. 303, 306]¹.

Однако есть одна несогласованность. Дело в том, что в Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского в известии о волнениях 1547 г. читаются приписки, выполненные тем же почерком, что и основной текст. Составитель спустя какое-то время после ее создания уточнял отдельные факты. Первоначально в летописи было записано: «На той же недели москвичи люди изымаша князя Юрья Михайловича Глинского, дядю великого князя по матери». Над строкой более светлыми чернилами к слову «москвичи» было приписано позже «большие и черные» [12, л. 44 об.].² На это обратил внимание С.О.Шмидт. Он предполагает, что речь идет о посадской верхушке, гостях, торговых людях и городском патрициате — людях, которые занимали управляющее положение в городском самоуправлении [8, с. 111]. Однако возможна и другая интерпретация. Об оппозиции «большие люди» — «черные люди» пишет М.Н.Тихомиров. Рассматривая социальное разделение жителей Москвы и высказывание «бояре и большие люди, и потом народ и черные люди», исследователь приходит к выводу, что с «большими» людьми отождествляются именно бояре. По мнению М.Н.Тихомирова черными людьми называлось сво-

бодное, но податное население [15, с. 91-93].

Достоверность приписки о «больших и черных людях» не вызывала сомнений у исследователей, хотя никто не приводил фактов, которые бы могли подтвердить сведения новгородского источника. Как представляется, аргументированно доказать правильность сведений, излагаемых в Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского, все же возможно.

Обратимся к памятнику, который С.О.Шмидт называл «Сказаниями о Московских пожарах» и высказывал догадку, что это фрагмент митрополичьего летописания [8, с. 25]. Текст этот был опубликован И.А.Жарковым [16], но мы будем цитировать его по более раннему списку БАН, Архангельское собрание, Д. 193³. Обнаружение этого раннего списка памятника однозначно свидетельствует о том, что «Сказания» появились почти сразу, после описываемых в них событиях. Хотя про само восстание в них не говорится, в «Сказаниях» содержатся некоторые сведения, которые отсутствуют в других памятниках. Так, составитель «Сказаний» пишет, что первая встреча Ивана Грозного с погорельцами состоялась еще до восстания 26 июня 1547 г. Сразу после пожара великий князь приехал в Москву и встретился с представителями города. В «Сказаниях» этот сюжет описан следующим образом: «Царь же и государь князь великий зряше беду сътворшую на граде его и на святых церквах и бывшую печаль князем и бояром и мужем москвичем, прослезився, теща их, рек: «Не скорбите, князи и бояре мои и народ. Господь дал, господь взял, буди имя господне благословено отныне и до века. Киждо, людие мои, ставите хоромы по своим местех, а аз вас жаловати рад и лготу дати» [18, л. 336-336 об.].

Таким образом, Иван Васильевич обращается в данном отрывке к представителям городской организации, которая возникла сразу после пожара и еще до самого восстания. Кроме того, в «Сказаниях» засвидетельствовано, что в нее входили не только простые жители, но также князья и бояре. Это, как нам представляется, говорит о достоверности приписок Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского, а также подтверждает наше мнение о том, что словосочетания «большие люди» следует понимать не как «городской патрициат», а как более обширную категорию, куда входила и высшая знать.

На первый взгляд, это противоречит тому, что горожане собрались «вече». Однако сама формулировка «вече» не исключает участие в волнениях князей и бояр. Нет оснований отрицать, что в вече могла участвовать верхушка общества⁴. Князья и бояре яв-

1. О вечевой организации восставших см. [11, с. 292].

2. Текст Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского мы будем цитировать по рукописи, поскольку в издании [13] некоторые кодикологические особенности приписок не отражены. Так, в нем указано, что в приписке «большие и черные люди» позднее приписано только слово «большие». Однако это не верно. Чтение «и черные» написано в строке, но также более светлыми чернилами, что позволяет также отнести их к тексту приписки. По филиграммам рукопись датируется 40-ми гг. XVI в. [14, № 1709 (1544 г.)].

3. Рукопись представляет собой конволют. Часть, содержащая текст о московских пожарах, датируется 50-ми гг. XVI в. по филиграммам. См. [17, № 104 (1552 г.)].

4. Литература, посвященная термину «вече», обширна. Выводы, к которым приходили исследователи, противоположны. До настоящего времени вопрос о социальной природе вече остается дискуссионным. Т.Л.Вилкул пишет по этому поводу: «Имеются свидетельства как в пользу того, что на вече собирались все жители (или, по крайней мере, все воины) города или земли, так и в пользу того, что это была верхушка общества. Как в пользу изменчивости состава, так и в пользу его стабильности. Летописцы слишком часто манипулируют сообщениями этой тематики, а сетка социальных категорий ситуативна и искусственна» [19, с. 323].

лялись не только феодалами, но членами городской общины, поскольку их дворы находились в черте города.

Возникает вопрос источниковедческого характера: почему большинство ранних памятников об участии бояр и вообще верхушки городского населения в московских волнениях 1547 г. умалчивает. В «Летописце начала царства» и Хронографической летописи говорится об участии в восстании только черных людей [20, с. 54; 11, с. 292]. Обратимся к текстам обоих памятников.

В «Летописце начала царства» события описаны следующим образом: «Того же лета 26, в неделю на пятый день после великого пожара, черные людие града Москвы от великие скорби пожарные восколебашеся, яко юроди, и пришедше во град и на площади убиша камением царева и великого князя боярина князя Юрия Васильевича Глинского и детеи боярских многих побиша, а людие князь Юрьевых безсчислено побиша и живот княжои розбиша, ркуще безумием своимъ, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша. Царь же и великий князь повеле тех людей имати и казнити. Они же мнози розбегошася по иным градом, видяще свою вину, яко безумием своим сие сотвориша» [20, с. 54]. В Хронографической летописи читается: «И после того пожара москвичи черные люди возволновались, будтося Москву зажигали Глинских люди, и от тое коромолы князь Михайло Глинской с жалования с Оржовы хоронился по монастырем, а Москвичи черные люди собрався вечем, убили боярина князя Юрья Васильевича Глинского в Пречистой в соборной церкви и на обедне на иже-херувимской песни» [11, с. 292].

Таким образом, оба памятника описывают лишь событие убийства Юрия Глинского. В Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского говорится о том, что после убийства боярина через несколько дней жители Москвы прибыли к государю на Воробьево. Причем сказано, что в этом шествии участвовали уже только «черные люди» [12, л. 44 об.]. О шествии на Воробьево упоминает также «Царственная книга» [21, с. 456-457]. В Хронографической летописи вообще не говорится ничего о последствиях убийства Юрия Глинского. В «Летописце начала царства» сказано, что сразу после убийства боярина повстанцы были наказаны. Но о походе к государю на Воробьево также не упоминается. Таким образом, повествование в этих двух памятниках неполное. Причем для составителя «Летописца начала царства» два этапа восстания (первый — убийство Глинского, второй — шествие на Воробьево, после чего восстание пошло на спад) слились в один. Возможно, что он писал об участии в волнениях только «черных людей», поскольку наблюдал лишь второй этап восстания, в котором ни «городской патрициат», ни боярство уже не участвовали⁵. Таким образом, сведения «Летописца начала царства» не полны и не отличаются достаточной точностью. Возможно, что отсутствие сведений в Хронографической летописи об участии в

восстании «больших людей» связано так же с тем, что зафиксирован был социальный состав восставших на втором этапе.

Итак, в восстании 1547 г. была задействована не только низшая часть посада — люди черные, но и высшая. Возможно, это были даже князья и бояре. Указания на это читаются — в «Царственной книге» и в Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского. Кроме того, только в этих двух памятниках обозначено два этапа восстания. В «Летописце начала царства» и Хронографической летописи не сказано о шествии народа на Воробьево. Причем если «Царственная книга» относится к поздней традиции, и ее составители могли быть политически пристрастны, то Новгородская летопись по списку Н.К.Никольского появилась спустя лишь небольшое время после восстания, относится к ранней нарративной традиции и излагает события беспристрастно. В обоих памятниках упоминается участие в волнениях бояр. Следовательно, версия «Царственной книги» в целом достоверна. Однако если в «Царственной книге» ситуация представлена как заговор членов окружения великого князя против Глинских [21, с. 456-457], то размытая формулировка Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского «большие люди» таких выводов сделать не позволяет. Бояре могли выступать не в качестве подстрекателей толпы, но и в роли участников «веча».

Следующий вопрос касается тех обвинений, которые предъявляли участники волнений к роду Глинских. В Летописных памятниках, как ранних, так и поздних, отразились некоторые обвинения, направленные против Глинских. Так, по версии Хронографической летописи среди городского населения прошел слух, что город подожгли Глинские. В «Летописце начала царства» написано: «А людей князь Юрьевых безсчислено побиша и живот княжои розбиша, ркуще безумием своимъ, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша» [20, с. 54]. Эти сведения подтверждаются Новгородской летописью по списку Н.К.Никольского: «Потому што на них зговор пришел буттось они велели зажигати Москву» [12, л. 44 об.].

Далее в новгородском летописце над строкой расположена приписка: «и сердечники о них же» [12, л. 44 об.]. Понять эту приписку можно, если обратиться к другому памятнику — Постниковскому летописцу. После изложения известия о пожаре 20 апреля в нем написано: «А говорили про оба пожара, что зажигали зажигальники. И зажигальников многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали. А после того же лета явились на Москве по улицам и по иным городом и по селом и по деревням многие сердечники, выимали из людей сердца» [22, с. 29]. Выимание сердец в качестве колдовской практики, в результате которой город вспыхнул, содержится в Царственной книге: «И того же месяца 26 день, въ неделю, на пятый день после великого пожара, бояре приехаша къ Пречистой къ соборной на площадь и собраша чер-

5. В Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского в известии о шествии людей на Воробьево не говорится об участии в нем «больших» людей [12, л. 44 об.].

ныхъ людей и начаша въпрашати: хто зажигалъ Москву? Они же начаша глаголати, яко княгини Анна Глинская з своими детми и съ людьми вълхвовала: *вымала сердца человеческия да клала въ воду да тою водою ездячи по Москве да кропила*, и оттого Москва выгорела» [21, с. 456].

Если Постниковский летописец упоминает о сердечниках применительно к пожару 20-го апреля, не связывая их появление с Глинскими, то в Царственной книге эта колдовская практика связывается с именем Анны Глинской. Возможно, что в слухи о сердечниках после июньского пожара были внесены некоторые изменения, после которых в поджогах и колдовстве были обвинены представители именно этого семейства. И снова сведения Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского и «Царственной книги» оказываются близки по содержанию. Причем сообщение о сердечниках отсутствует в других нарративах ранней традиции.

Наконец, Глинских обвиняли в государственной измене. В Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского сообщается, что Глинские поджигали Москву, «норовя приходу иноплемennых, бе же тогда пришел съ многоу силоу царь крымской и стоял в полях» [12, л. 44 об.].

Исследователи отмечали, что набор обвинений, предъявленных Глинским, типичен для жителей средневекового города, столкнувшихся со стихийными бедствиями [6, с. 336]. С.О.Шмидт пишет: «Обвинение в ведовстве именно бабки царя, видимо, тянет еще к давним традициям, когда лучшие жены считались виновницами неурожая, голода и других несчастий» [10, с. 90]. Однако не до конца ясно, почему именно против Глинских выступила вся средневековая Москва.

Князя и бояре могли выступить против Глинских как против своих политических противников и подстрекать массы к их низвержению. Однако следует также отметить, что в огне пожара пострадало имущество бояр. Так, в Постниковском летописце сообщается, что в пожаре погибли «митрополич двор, и князя Володимера Ондреевича двор и житницы великого князя, и конюшни, и боярские дворы и детей боярских, и монастыри, и дворы все погореша же» [22, с. 30]. В Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского написано: «Згоре же всех дворов числомъ в граде и в посаде полътретьятцать тысящъ белых и черныхъ» [12, л. 44]. Поэтому нет оснований искать политическую мотивацию в действиях высшей части общества.

Росту всеобщего недовольства способствовал также разразившийся продовольственный кризис. По мнению А.А.Зиминой, «пожар на время дезорганизовал снабжение столицы, что привело к голоду» [7, с. 296]. Подобные мысли высказывает С.О.Шмидт: «Сгорели, можно полагать, и уцелевшие во время апрельского пожара хлебные житницы. После неурожайного года дважды пострадавшие от пожара москвичи оказались и перед угрозой голода» [8, с. 83]. Однако оба исследователя не ссылаются на свидетельства источников и приходят к данным умозаключениям дедуктивным путем. Однако в летописях есть

некоторые указания на разыгравшийся продовольственный кризис. Постниковский летописец сообщает: «Да и митрополич двор и князя Володимера Ондреевича двор, и житницы великого князя, и конюшни, и боярские дворы и детей боярских, и монастыри, и дворы все погореша же <...> Да в полатах же и в погребех в княжих и в боярских в городе в старом и в новом животы и запасы все погореша же» [22, с. 30]. В «Летописце начала царства» сообщается: «и всякие сады выгореша и в огородах всякой овощъ и трава» [20, с. 52]. Летописи не сообщают о том, что за пожарами последовал голод. Тем не менее, есть основания полагать, что проблемы с продовольствием не миновали жителей Москвы. Так, Хронографическая летопись сообщает: «Того же лета и во всех городех Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно» [11, с. 292]. Дело в том, что 1547 год вообще был неурожайным. Вследствие засухи не состоялся запланированный судебный поход на Казань [11, с. 291-292]. Да и сами пожары по свидетельству летописей стали результатом засухи и сильного ветра [18, л. 363]. Все это привело к продовольственному кризису в Московском государстве. Как представляется, наиболее остро это было ощутимо в столице. Однако никаких сведений о том, что в 1547 году жителей столицы постиг голод, летописи не содержат.

В этом отношении интересные сведения приводит «Летописец начала царства», где говорится о том, что восставшие «живот княжой розбиша» [20, с. 54]. Возможно, что дворы Глинских или хотя бы значительную часть их имущества огонь обошел стороной и именно по этой причине восставшие нанесли удар по представителям этого семейства.

Подведем итоги настоящего исследования. Действительно, существует две категории памятников, повествующих о восстании 26 июня 1547 г. Наиболее ранние («Летописец начала царства», Новгородская летопись по списку Н.К.Никольского, Хронографическая летопись) сложились малое время спустя после самого события. Более поздняя традиция (представленная Первым письмом Ивана IV А.М.Курбскому и «Царственной книгой») сложилась уже ближе к 70-м гг. XVI в. Большинство исследователей считают, что поздние памятники тенденциозно изображали картину волнений: их составители приписывали вину боярам, которые подстрекали народ на бунт. Внимательный анализ известий о восстаниях, а также сопоставление фактов, изложенных в Новгородской летописи по списку Н.К.Никольского с «Царственной книгой» заставляет признать высокую степень достоверности последней поставить вопрос о дальнейшем критическом анализе ее сведений.

В свете всего изложенного социальный облик восстания июня 1547 г. видится нам следующим образом. У участников волнений 26 июня 1547 г. действительно было некое подобие вечевого организации. Однако возникновение ее следует связывать с периодом, предшествовавшим самому восстанию. Есть основания полагать, что на вершине этой организации находились представители высшей знати. Они в первую очередь выступили против Глинских. Кроме же-

ления убрать своих политических конкурентов они могли иметь и другие мотивы. Дело в том, что в пожаре пострадало их собственное имущество. В этом положение представителей высшей знати ничем не отличалось от той ситуации, в которой оказались другие представители городской общины. Общее несчастье оказало консолидирующее воздействие на москвичей.

1. Бахрушин С.В. Иван Грозный // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. II. С. 256-338.
2. Смирнов И.И. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 516 с.
3. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983. 248 с.
4. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. М.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. 246 с.
5. Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30—80-е гг. XVI в. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 572 с.
6. Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.
7. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 511 с.
8. Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. М.: Мысль, 1973. 360 с.
9. Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 22. С. 251-289.
10. Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Прогресс, 1996. 496 с.
11. Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М.: Изд-во АН СССР, 1951. № VII. С. 254-299.
12. БАН, собр. Никольского. № 12.
13. Новгородская летопись по списку Н.К.Никольского // ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 580-622.
14. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб.: Типография «В.С. Балашов и К», Ч. 1-3. 1899. 748, 680, 560 с.
15. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М.: МГУ, 1957. 320 с.
16. Жарков И.А. К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. М.: Изд-во АН СССР, 1962. № 3. С. 223-226.
17. Piccard G. Wasserzeichen vierfussler. T. XV. Stuttgart: Kohlhammer, 1987. 676 с.
18. БАН, Архангельское собрание. Д. 193.
19. Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI—XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с.
20. Летописец начала царства // ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 29. С. 9-116.
21. Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. 544 с.
22. Постниковский летописец // ПСРЛ. М.: Наука, 1978. Т. 34. С. 8-30.

References

1. Bakhrušin S.V. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Nauchnye trudy [The scientific works]. Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1954, vol. 2, pp. 256-338.
2. Smirnov I.I. Ocherki politicheskoi istorii russkogo gosudarstva 30-50-kh godov XVI veka [Essays on the political history of the Russian state in the 30-50s of the 16th

- century]. Moscow, Leningrad, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1958. 516 p.
3. Skrynnikov R.G. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Moscow, "Nauka" Publ., 1983. 248 p.
4. Al'shits D.N. Nachalo samoderzhavii v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo [The beginning of the autocracy in Russia. The state of Ivan the Terrible]. Moscow, "Nauka" Publ., 1988. 246 p.
5. Shaposhnik V.V. Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniia v Rossii v 30-80-e gg. XVI v. [The relationships between church and state in Russia in the 30-80s of the 16th century]. 2nd ed. Saint-Petersburg, SPbSU Publ., 2006. 246 p.
6. Krom M.M. «Vdovstvuiushchee tsarstvo»: politicheskii krizis v Rossii 30-40-kh godov XVI veka ["Widow kingdom": the political crisis of the 30-40s of the 16th century]. Moscow, "New literary observer" Publ., 2010. 888 p.
7. Zimin A.A. Reformy Ivana Groznogo [Reforms of Ivan the Terrible]. Moscow, "Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury" Publ., 1960. 511 p.
8. Shmidt S.O. Stanovlenie rossiiskogo samoderzhavstva [The rise of Russian autocracy]. Moscow, "Mysl'" Publ., 1973. 360 p.
9. Al'shits D.N. Ivan Groznyi i pripiski k litsevim svodam ego vremeni [Ivan the Terrible and adscripts in the illuminated chronicles of his time]. Istoricheskie zapiski [Historical notes]. Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1947, vol. 22, pp. 251-289.
10. Shmidt S.O. U istokov rossiiskogo absolutizma: issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo [At the origins of Russian autocracy: the research of social and political history of the time of Ivan the Terrible]. Moscow, "Progress" Publ., 1996. 496 p.
11. Shmidt S.O. Prodolzhenie Khronografa redaktsii 1512 goda [Continuance of the Chronicle in the edition of 1512]. Istoricheskii arkhiv [Historical archive], № 7, Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1951, pp. 254-299.
12. Library of the Russian Academy of Sciences, collection of Nikolsky, № 12.
13. Novgorodskaiia letopis' po spisku N.K. Nikol'skogo [Novgorod Nikolskiy's chronicle]. PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. Leningrad, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1929, pp. 580-622.
14. Likhachev N.P. Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodianykh znakov [Paleographical value of watermarks]. Saint-Petersburg, Publishing house "V.S. Balashov and Co", Parts 1-3, 1899. 748, 680, 560 p.
15. Tikhomirov M.N. Srednevekovaia Moskva v XIV-XV vekakh [The medieval Moscow in the 14th-15th centuries]. Moscow, MSU Publ., 1957. 320 p.
16. Zharkov I.A. K istorii moskovskikh pozharov 1547 g [Towards the history of the fires of Moscow in the 14th-15th centuries]. Istoricheskii arkhiv [Historical archive], № 3, Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962, pp. 223-226.
17. Piccard G. Wasserzeichen vierfussler. T. XV. Stuttgart: Kohlhammer, 1987. 676 p.
18. Library of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk collection, D. 193.
19. Vilkul T. L. Liudi i kniaz' v drevnerusskikh letopisiakh serediny XI-XIII vv. [People and the prince in the ancient Russian chronicles of the middle of the 11th-13th centuries]. Moscow, "Kvadriga" Publ., 2009. 408 p.
20. Letopisets nachala tsarstva [Chronicle of the early kingdom]. PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 29, Moscow, "Nauka" Publ., 1965, pp. 9-116.
21. Nikonovskaiia letopis' [Nikon chronicle]. PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13, Saint-Petersburg, "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 2000. 544 p.
22. Postnikovskii letopisets [Postnik]. PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34, Moscow, "Nauka" Publ., 1978, pp. 8-30.